

Цѣны, на издѣлія, установленныя профессиональными обществами, будут подчинены контролю.

Таможенные коэффициенты будут изменены во всех случаях, гдѣ современное экономическое положеніе того настоятельно потребует.

Будут понижены тарифы на желѣзных дорогах, на первое время для нѣкоторых предметов первой необходимости.

Почтовый тариф будет постепенно понижен.

Наряду с предложенными и к проведенію созрѣвшими мѣрами настоящаго момента, в цѣлях правильнаго рѣшенія экономических вопросов, будет произведена через экспертов анкета о самых настоятельных экономических проблемах.

В этих цѣлях, правительство дѣлало и будет дѣлать все, что в его власти и что оно признает необходимым в настоящій момент».

Возваніе заканчивается слѣдующими словами:

«Вы видите, что все вы зависите взаимно друг от друга, и что мы являемся лишь отдѣльным сотрудником в мировом хозяйствѣ. Соединимся же вмѣстѣ в пол-

ном сознаниі, что у нас у всех одна дѣль при охранѣ нашего государства, и потому постараемся, чтобы наше государство и его хозяйство были упрочены, консолидированы.

Для лучшаго будущаго принесем же всяческія жертвы».

Правительство Чехословацкой Республики.

Прага, 9 сентября 1922 года.

Вліяніе, которое в Чехословакии имѣет в государственной жизни рабочий класс, представленный в правительствѣ министрами соц.-демократами и чешскими социалистами, заставляет надѣяться, что выход будет найден и демократическая страна сумѣет преодолѣть и этот кризис. Во всяком случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что она не пойдет по гибельному пути, на который ее хотѣла бы толкнуть Москва и от котораго отказывается теперь помазанный Лениным вождь чехословацких коммунистов собственный его императорскаго величества Франц-Иосифа коммунист доктор Шмераль

Р. Д.

Среди книг и журналов. Литературный обзор.

(Вмѣсто рецензій).

До войны и революціи книжная производительность Россіи стояла очень высоко. Она соперничала с такими культурными странами, как Великобританія и Германія. Война сильно затормозила развитіе русскаго книжнаго дѣла, а большевистская революція низвела его до зачаточнаго состоянія. Книга стала предметом роскоши. Она исчезла из повседневнаго культурнаго обихода. Издательства были закрыты, типографіи национализированы, журналы запрещены. В 1918—1920 г. разгром русской литературы дошел до крайняго предѣла. Среди всеобщаго безмолвія, в коммунистической пустынѣ могли невозбранно раздаваться лишь голоса правительственных прислужников, продажных

публицистов и большевистских агитаторов. Коммунистическія брошюры, революціонные плакаты и пьесы Дулачарскаго должны были замѣнить Россію ея литературу и искусство. Достаточно сказать, что за 1920 г. в Россіи было издано 742 книги. По книжной производительности даже маленькая Данія с ея 2 миллионным населеніем сумѣла издать книг въпятеро больше, чѣм 150 миллионная Россія, не говоря уже о других странах (напр. Германія — 32.345).

С начала 1921 года положеніе нѣсколько мѣняется. За рубежом основываются и множатся русскія издательства. Благодаря их непрерывному росту, за границей образуются центры русскаго книжнаго дѣла. Идет энергичная работа и по пере-

печать классиков, и по изданию новых произведений.

Послѣ Кронштадта, наряду с измѣненіем курса большевистской политики, в условіях Нэпа возникают многочисленныя частныя издательства и внутри Россіи.

К лѣту нынѣшняго года издательская дѣятельность и в Россіи, и за границей достигла широких размѣров. Совѣтская власть устами Зиновьева даже обратила вниманіе на такую серьезную опасность, как появленіе 337 частных издательств в Москвѣ и 83 в Петроградѣ. А в Берлинѣ зарегистрировано 42 издательства.

Конечно, даже усиленная дѣятельность всѣх этих издательств вмѣстѣ взятых не может насытить русскаго книжнаго рынка и хотя бы количественно довести его до предреволюціоннаго состоянія. Но послѣ пережитаго книжнаго голода, нынѣшнее положеніе легко может показаться блестящим, а сотни заглавій, пестряющих в периодических изданіях и каталогах, вызываютъ предствленіе о подлинном подъемѣ книжнаго дѣла и литературной производительности.

Но производительность эта крайне неравна, и то, что выпускается в свѣтъ четырьмя сотнями русских издательств в Москвѣ, Петроградѣ и Берлинѣ, далеко не всегда является цѣнным приобретеніем.

Тѣм болѣе важнымъ представляется отобрать из этого книжнаго многообразія то, что заслуживаетъ вниманія и можетъ возбудить интересъ в широких читательскихъ кругахъ.

За послѣдніе два, три мѣсяца и за границей, и в Россіи продолжали печататься новыя изданія произведеній, вышедших до или во время революціи.

Из нихъ надобно отмѣтить прежде всего собраніе сочиненій **Ал. Блока** (изд. во «Словѣ» Берлин). До сих пор вышло 3 тома стиховъ, являющихся перепечаткой изданія «Мускетъ» 1915 г. с добавленіемъ «Ямбовъ», «На грани прошлыхъ

дней» и «Сѣдого Утра». К сожалѣнію, изданіе не снабжено хотя бы краткими примѣчаніями или датами. Рѣжетъ глазъ на рѣдкость безвкусная и аляповатая обложка всѣх 3 томов. Мало отличается от изданія «Слова», хотя нѣсколько лучше, собраніе сочиненій **А. Блока** в изданіи «Алконоста» (Петербург 10 томов), выпустившаго также отдѣльной книгой поэму **А. Блока** «**Возмездіе**». Поэма эта, напечатанная в 1916 г. в «Русской Мысли» была недостаточно оцѣнена. Это — поэма цѣлаго поколѣнія, напоминающая и по широтѣ захвата и по сѣйности замысла с пѣвучей образностью стиха пушкинскаго «Евгенія Онѣгина». К несчастью для русскаго литературнаго, она осталась не законченной, и из второй части ея имѣются лишь фрагменты.

Театр **Блока** обѣщанъ из-вомъ «Слова». «**Роза и Крестъ**» вышла в роскошном изданіи в Берлинскомъ из-вѣ «Нева».

Много печатаютъ произведенія **Гумилева**. Гржебинъ выпустилъ второе изданіе «**Костра**», в который вошли посмертныя стихи Гумилева; петербургское из-во «Мысль» издало томикъ рассказовъ поэта — «**Тѣнь от пальмы**», раскрывающій нѣсколько новыхъ для насъ лицъ Гумилева — беллетриста.

Андрей Бѣлый собралъ в изящно изданной книжечкѣ, формата «молитвенника» свои «**Стихи о Россіи**», (изд. «Эпоха» Берлин - Москва) отражающія всѣ фазы мучительной любви поэта къ родинѣ, начиная от его безнадежнаго «Довольно не жди, не надѣйся, Разсѣйся, мой бѣдный народъ», и до его пріятія революціи, какъ прихода царствія Божія на землѣ («**Бушуй, огневая стихія**...»). В том же издательствѣ выходятъ новыя изданія «**Петербургъ**» (сильно сокращенное по сравненію с первоначальнымъ текстомъ), «**Серебряный Голубь**» **А. Вѣлаго** и уже выпелъ его «**Котикъ Летаевъ**», печатавшійся ранѣе в журналѣ «Записки Мечтателя».

Продолжение этого романа — «Преступление Николая Летаева» началось печатанием в № 11 парижского журнала «Современные Записки».

Переизданы сочинения Бунина (из-во «Франко-русская печать», Париж), Амфитеатрова (роман «Сестры», «Гри́здо» и «Восьмидесятники» в изд-во «Грани» Берлин). Из-во Гржебина объявило о выходе сочинений Бор. Зайцева, а из-во «Слово» выпустило его роман «Дальний Край», переносящий нас в Москву, в жизнь непутевой и славной студенческой богемы, дышащей молодостью, жаждой любви и свежестью «всех впечатлительных бытия».

Но литературная хроника последних месяцев отмечает не только перепечатки, но и оригинальные произведения, принадлежащая уже не прошедшему, а сегодняшнему дню русской литературы.

Большое количество книг выпущено одним из самых крупных современных писателей — Ал. Ремизовым.

Ремизов — достойный наследник Дьякова. Он возродил в русской литературе «народную романтику», перенес в нее стиль и ритм народного творчества, обогатил ее язык крепкой, порой почти этнографической красочностью, остроловием и изощренностью. Эти качества его манеры особенно проявляются в «Травь Муравь» (Ефрон, Берлин 1922), сборнике византийских повестей, апокрифов, величаний, сказов. Если в собраниях сказок («Чыхчыгыс Таасу» — из-во «Скифы» Берлин, сибирские сказки; «Лалазар» — кавказский сказ, то же из-во), пожалуй, сильнее бытовой, подчас чисто сказочный элемент, то в «Травь Муравь» повествовательная сторона сплетена с глубоким религиозным настроением, со своеобразной поэтической мудростью, придающими глубину и прелесть этим «отреченным» произведениям.

Ремизов — реалист, просвещен чуткой духовностью. Он остро чувствует и стра-

дание человеческое, и порыв твари земной к звездам. Поэтому во всех повестях его из обыденной, сегодняшней жизни («Мара», рассказы, изд. «Эпоха» Берлин) сквозит тайный смысл. Происшествие, анекдот, до которого Ремизов такой любитель, связаны тонкими, подчас трудно уловимыми нитями с вопросами совести и мира; бытовой узор озарен лирическим чувствованием. Лучшим образцом этой стороны творчества Ремизова является первый том повести «В полъ блакитнем», написанной с большой любовью и мастерством. Здесь Ремизов не заботится о диких, вычужденных выражениях, прибаутках и замысловатых оборотах. Язык прост, как и вышше незатейлива фабула повести. Это история детства и юности девочки Оли. Рассказ о развитии души, то умиляющий своей нежной лирикой, то потрясающий подлинного психологического озарения, вправлен в рамку бытовой картины описания дома, в котором растет Оля, и города и гимназии, где впервые сталкивается она с любовью, горем и борьбой. «В полъ блакитнем» не кончено. Хочется поскорее прочитать продолжение этой чудесной, ароматной повести.

Творчество Ремизова примыкает к тому нео-реалистическому направлению, которое заметно усиливается за последнее время в нашей литературе. Наиболее видным и талантливым из его представителей несомненно является Замятин. Сборник его рассказов «Островитяне» (из-во Гржебина, Берлин), часть из которых написана еще до революции — показывает, на сколько развились творческие силы писателя за годы революции, какой путь сумел он продолжать от той повести («Убодное»), которая положила начало его литературной известности. В «Островитянах» есть рассказы («Мамай», «Щецера») с пронзительной остротой передающие трагедию современной русской жизни; и щедрость ее быта, и страстное горение духа. Замятин — крепкий, сильный писатель. У него ска-

тый, экспрессионистский стиль и ядрекит, народный язык. Он не только безпощадныи и умный сатирик (достаточно вспомнить его сказки в «Петербургском Сборникѣ 1922» и др.), но и художник, умѣющій и построить роман («Мы») и передать тонкія переживанія любви (разказы «Землемѣр» и «Чрево» изд. «Эпоха» Птб.).

Смѣшеніе нео-реализма и мистическаго символизма представляет собою творчество выдвинушагося за послѣднее время молодого беллетриста **Б. Пильняка**. Пильняк многое заимствовал от Ремизова, но еще больше от Андрея Бѣлаго. Он описывает революционный быт, достигая в нѣкоторых произведеніях (напр., роман «Голый год» Петербург — Берлин, из-во З. Гржебина 1922) большой отчетливости и силы изображенія. У него рѣзко вычерчены характеры и положенія, очень хорошо дан пейзаж и ощущение русскаго «бунта». Но неприятна манерность его письма и построения, попытка придать мистическій смысл рисуемому бытовому картинам, сугубое подчеркиваніе собственной нарочитости, превращающее лик художника в какую то гримасничающую маску.

В иных вещах Пильняка эта маска становится подлинной загадкой, а глубокомыслие превращается в бессмысленную темноту: таковы, напр., повѣсть «Метель» (напечатана в № 1 «Эпохи» — к-во «Геликон» — Берлин) и выходит отдѣльной книгой в из-вѣ «Огоньки» Берлин), или нѣкоторыя страницы повѣсти «Рязань Яблоко» (выходит в из-вѣ Гржебина), похожія на литературный ребус. А жаль: у Пильняка несомнѣнный своеобразный талант, и если ему удастся освободиться от манерности и литературной гримасы, это послужит ему только на пользу.

О Пильнякѣ часто говорят, как чуть ли не об единственном из выдвинувшихся во время революции молодых писателей. Но при этом забывают, помимо группы

«Серапионовых братьев»*), ряд других весьма талантливых беллетристов и поэтов. Остановимся хотя бы на двух из них: **Ал. Яковлевѣ** и **Маріи Шкапской**.

Мы не знаем, имѣется ли собраніе разказов Ал. Яковлева, разбросанных по различным альманахам и журналам, вышедшим в России. Но и эти разказы дают о нем представленіе, как о чрезвычайно талантливом художникѣ, рисующем в мягких красках и вполне овладѣвшим искусством объективнаго изображенія.

Одно из лучших произведеній Яковлева его разказ о голодающих переселенцах («Московскій Альманах», разказы А. Яковлева, В. Лидина, Б. Пильняка, А. Бѣлаго и др. из-во «Огоньки» Берляя 1922). Это поистинѣ потрясающая вещь, не переходящая в то же время той еле замѣтной черты, которая отдѣляет кошмар жизненнаго факта от захватывающей убѣдительности художественнаго творенія.

Толпа переселенцев безконечной вереницей тянется из голодающих губерній. По цѣлым недѣлям тащатся обозы по выжженной степи, по разошедшейся, омертвѣлой землѣ, под безпощадными лучами солнца. Среди крестьян — интеллигент Кузьмич. Его трясет лихорадка. Его то мучат кошмары, пляшущія в раскатыном зноѣ, то ласкает Бѣлая Дѣва, плывущая из жаркаго тумана над рѣкой. Остановилось время, и жизнь застыла в полуденном зноѣ. Идут, идут, гонимые смертью, равнодушно оставляя упавших на вѣрную гибель в безводной степи, бросая, как пададь, умерших. Жестокая, сѣбная стихія. И у рѣки, у перевоза на другой, спасительный берег, происходит жестокая, звѣриная свалка — битва за жизнь. Толпа сапогами по лицам и животам упавших, сталкивая в воду слабых, калѣча борющихся, ломится толпа к парому.

В этот миг Кузьмич умирает. И прини-

*) О группѣ этой см. статью М. Слонима в настоящем № «В. Р.»

мает смерть, как благостную вѣстницу, со свѣтлой улыбкой, и видит послѣднее видѣніе: Мальчик в терновом вѣнцѣ плывет над бѣснующеюся толпой, и капли крови с израненнаго чела падают на его бѣлыя ризы.

Этот аккорд жалости и примиренія, этот символ любви, заключающій рассказ, придает ему глубокой и иѣжный смысл. От его тихаго свѣта по иному дышат картины голода, отчаянія и звѣрства, оживающія под увѣренным и смѣлым пером художника.

Яковлев — писатель, рассказывающій не о своих переживаниях, а о том мирѣ, который он видит.

Творчество Маріи Шкапской — глубоко личное, субъективное. Но и она приходит к описанію того, что виѣ ей, и та же нота страданія и некупленія, что у Яковлева, звучит и в ея стихах.

В первых двух своих сборниках (*Mater Dolorosa* — из-во «Неопалимая Купина» Птб 1921, «Час вечерній» стихи 1913 до 1917 г. изд. «Мысль» Птб 1922) Шкапская раскрыла себя, как поэта материнства. Тайна зачатія, мука рожденія, тоска бездѣтности, материнская тревога, страданіе смерти — вот темы Маріи Шкапской. Быстрый, неровный и прерывистый стиль. Точно молитва Господу

Боже мой, и присно, и нынѣ
В наши кровью полные дни,
Чаще помни о Скорбном Сынѣ.
И каждую мать храни.

Тот же мотив звучит и в послѣднем ея сборникѣ («**Барабан строгого господина**» из-во «Огоньки» Берлин 1922). Женственно-тонком и печальном. Но здѣсь уже не только о физическом материальствѣ говорит поэтесса. Она Россію, родину, чувствует, как дочь мать свою. И муками ея болѣет, — дочерней мукой. Стихи о Россіи — самое интересное в сборникѣ. Это стихи о «страстях», о крови, о рож-

денія — в слезах и горѣ — новой правды.

О ты, посконная моя Россія,
Ты женщина, и Ты — моя сестра,
И я все жду, что ты родишь Мессію
Под осеню, в ночь, у дымаго костра.

Но вмѣсто Мессіи — Петропавловская крѣпость, в которой всю ночь работает пулемет:

Стоишь — на смерть Петру вѣрна,
И вѣчно горькой крови нашей
К твоим губам поднесена
Неупиваемая Чаша.

Вмѣсто Мессіи — «хождение по саратовским мукам» —

(Не вернулись в деревни отчія —
Полегли на землю и кончились,
Рядышком и кроткіе и строгіе,
И здоровые и убогіе,
Ивановы, Петровы и Павловы,
Столѣтніе дѣды и правнуки —
Младенчики безвинные
Пальчики то у них худые, длинные).

Вмѣсто Мессіи — зрѣлище публичной казни («Явь») и «стѣи оскаленные остовы» с пустыми стропилами и недоконченными лѣсами.

Творчество Пильняка, Яковлева, Шкапской, иѣкоторых из «Серапионовых братьев» — волнующее творчество. Оно не только порождает в нас художественно-наслажденіе и преобразующую радость искусства. В них мы жадно ловим вѣсть о новой Россіи, по ним стремимся познать и угадать и смысл бури, пронесшейся над городами и всями смятенной родины, и опредѣлить ея тайный путь. И в то же время — эти новые молодые писатели — бодрят вѣсть — вѣсть надежды: не может умереть страна, в которой вѣчно зелѣнют новые и новые побѣги вѣчно живаго древа искусства.